

Ведьма из Сызрани

Бабай заберет

Восьмая книга о ведьме из Сызрани

Милана Панова

Ведьма из Сызрани. Бабай заберет

«Автор»

2026

Панова М.

Ведьма из Сызрани. Бабай заберет / М. Панова — «Автор», 2026

В Сызрань приезжает модный семейный психолог с методикой «Послушный ребёнок». Пилотная программа министерства, брошюры во всех детских садах и простой совет: не хочет спать — пугайте Бабаем. Работает безотказно. Только через месяц весь город перестаёт спать. Ровно в три часа ночи дети просыпаются с криком и показывают под кровать. Ведьма Василиса знает: под кроватью действительно кто-то есть. Но чтобы это остановить, ей придётся пойти против министерства, переспорить кандидата наук, которая уже один раз высмеяла её при двухстах родителях, пережить проверку из опеки и уговорить шесть тысяч мам из городского чата перестать делать то, что, как им кажется, наконец работает. Против неё — авторитет, брошюры и связи в правительстве. За неё — бывший копирайтер в ней самой, кот, который всё видит, все бабушки Сызрани и старая колыбельная, которую забыли сто лет назад. Восьмая книга о ведьме из Сызрани.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Петух и телефон	5
Глава 2. Методичка	9
Глава 3. Кандидат наук	12
Глава 4. Баюшка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Милана Панова

Ведьма из Сызрани. Бабай заберет

Глава 1. Петух и телефон

В сентябре две тысячи тридцатого года Василиса впервые за два с половиной года вернулась к нормальному приёму.

Не к тому, когда клиентов принимал Модест, а Еремей Касьянович переводил «по смыслу», пока она спала после бессонной ночи с двойней. К настоящему. Когда она сама сидит на кухне за столом под клеёнкой с подсолнухами, с Гроссбухом, с чаем, и слушает. И смотрит нитки. И решает.

Дети пошли в детский сад. «Солнышко», на Кирова, младшая группа. Это была идея Егора, и Василиса сопротивлялась до последнего, а потом сдалась. Первого сентября Гаша, не желая отпускать маму, подняла в воздух воспитательницу Светлану Игоревну — плавно, на метр, вместе с плюшевым зайцем, — и подержала её под потолком, пока Василиса не пообещала вернуться ровно в пять. Алёша в тот же день молча зажёл пальцем все лампочки в группе во время отключения электричества. Нянечка баба Тося покормила котлетой Модеста, который весь день сидел на заборе и смотрел в окно.

Через неделю Светлана Игоревна перестала вздрагивать. Через две — спросила Василису, нельзя ли Гаше приходить на тихий час в старшую группу, потому что когда Гаша рядом, все засыпают. «Она их качает. В воздухе. Как в люльке. Я не спрашиваю, как. Я просто прошу».

Василиса пообещала подумать.

А сама в это время впервые за долгое время осталась одна. С девяти до пяти. На кухне. С Гроссбухом.

И поняла, что соскучилась.

Первым клиентом в тот понедельник был Кузьмичёв.

Пенсионер. Семьдесят два года. С Нижне-Кирпичной. В кепке, в пиджаке поверх тельняшки, с орденской планкой — Василиса присмотрелась: «За трудовую доблесть». Он сел на табуретку. Положил кепку на колени. Сказал:

— Петух.

— Петух? — переспросила Василиса.

— У соседа, — сказал Кузьмичёв. — У Гараева. Петух. Орёт. В четыре утра. Каждый день. Я тридцать лет на НПЗ в ночную смену отработал — я только к пенсии научился спать до семи. А он — орёт. В четыре.

— Вы с соседом говорили?

— Говорил. — Кузьмичёв поджал губы. — Гараев говорит — петух есть петух. Птица. Природа. Не могу же я ему рот заткнуть. — Пауза. — Я ему говорю — заткни. Он говорит — не могу. Я говорю — тогда я заткну. Он говорит — только тронь. — Кузьмичёв вздохнул. — Мы сорок лет дружили. А теперь не здороваемся. Из-за петуха.

— И вы хотите, чтобы я...

— Чтоб молчал до семи, — сказал Кузьмичёв. — Не насовсем. Не порчу. Гараев мне друг, и петух у него хороший, рыжий, красивый. — Пауза. — Просто — до семи. Можно?

Василиса посмотрела на нитки.

Нитка от Кузьмичёва к Гараеву — толстая, старая, сорок лет, — была перекручена. Злостью. Недосыпом. Обидой. И — Василиса присмотрелась — ещё чем-то. Тонким, тёплым, грустным. Тоской. Кузьмичёв скучал по другу.

А от Гараева к Кузьмичёву — то же самое.

А петух — Василиса повернула ручку и посмотрела дальше, через два двора, — петух был вообще ни при чём. Петух орал в четыре, потому что в четыре по соседней улице проезжала мусоровозка. Громкая, с лязгом. Будила петуха. Петух возмущался. На весь квартал.

— Модест, — сказала Василиса.

Модест лежал на печке. Он не участвовал в приёмах с тех пор, как Василиса вернулась, — говорил, что двести двадцать лет заслуживают пенсии, — но всё слышал.

— Мм?

— Ты с петухами разговариваешь?

Модест открыл один глаз.

— С петухами, — сказал он с отвращением, — разговаривают только петухи. — Пауза. — Но могу. Если надо. Они тупые. Но понимают.

— Надо, — сказала Василиса.

Через два дня Кузьмичёв пришёл снова. С банкой мёда.

— Молчит, — сказал он. — Третий день. До семи. Как отрезало. — Он помолчал. — Что вы сделали?

— Поговорили с петухом, — честно сказала Василиса. — Наш кот объяснил ему, что мусоровозка — это не враг, а просто громкая машина. И что если очень хочется поорать — можно в семь, вместе со всеми.

Кузьмичёв смотрел на неё. Потом на Модеста на печке. Модест смотрел на Кузьмичёва с выражением абсолютного превосходства.

— А ещё, — сказала Василиса, — я в мусорную компанию позвонила. Попросила маршрут поменять. Объяснила, что на Нижне-Кирпичной живут люди, которые тридцать лет работали в ночную. Они поменяли. Теперь мусоровоз там в девять.

Кузьмичёв долго молчал.

— Это не колдовство, — сказал он наконец.

— Наполовину, — согласилась Василиса.

— Вторую половину я и сам мог, — сказал Кузьмичёв. Задумчиво. — Позвонить.

— Могли, — сказала Василиса. — А Гараеву позвонить можете?

Кузьмичёв замер.

— Зачем?

— Сказать, что петух молчит. — Пауза. — И что вы скучали.

Кузьмичёв смотрел на неё. Долго. Потом встал. Надел кепку. Поставил на стол мёд.

— Вы, Василиса Андреевна, — сказал он, — как ваша бабка. Та тоже — сначала петуха, а потом в душу.

И ушёл.

Вечером Василиса записала в Гроссбух: «Кузьмичёв. Петух соседа. Петух ни при чём. Мусоровоз + сорок лет дружбы. Решено. Мёд, 1 л. Позвонил Гараеву? Узнать».

Через неделю тётя Шура с козами рассказала, что видела Кузьмичёва с Гараевым на лавочке у колонки. С бутылкой кефира. И с петухом. Петух сидел между ними и молчал.

Вторая клиентка в тот понедельник была Марина Тихонова. Тридцать четыре года. Бухгалтер. Худая, нервная, с маникюром, с телефоном в руке. Она его так и не выпустила за весь разговор.

— Мне нужен приворот, — сказала она. — На мужа.

— На мужа, — повторила Василиса.

— На собственного, — сказала Марина. Резко. — Двенадцать лет в браке. Двое детей. Он меня любит. Я знаю. — Пауза. — Но он живёт в телефоне.

Василиса посмотрела на её телефон. Который Марина держала в руке.

— В телефоне, — повторила она.

— Приходит с работы — в телефон. Ужинает — в телефоне. Дети что-то рассказывают — он в телефоне. Я говорю — он «угу». Ложимся — он в телефоне. Я засыпаю — у него экран светит. — Голос у Марины дрогнул. — Мне надо, чтобы он на меня посмотрел. Хоть раз. Не в экран. На меня.

Василиса смотрела на её нитки.

Нитка к мужу — толстая, живая, тёплая. Ничего не перекручено. Любовь — есть. С обеих сторон.

А сверху, поперёк, — как паутина, как леска, — тонкие серые нити. Много. Сотни. От мужа — к чему-то. К экрану. К каналам, лентам, роликам. Они не рвали любовь. Они её — закрывали. Как пыль закрывает окно.

И — Василиса присмотрелась — такие же нити шли от самой Марины. К её собственному телефону. Который она не выпускала из рук.

— Марина, — сказала Василиса. — Сколько вы сегодня провели в телефоне?

Марина моргнула.

— Я? Я — немного. По работе.

— Можно посмотреть? — Василиса протянула руку. — Там есть, в настройках. Экранное время.

Марина долго смотрела на неё. Потом медленно разблокировала телефон. Нашла. Посмотрела.

Побледнела.

— Шесть часов сорок минут, — прочитала она вслух.

— Сегодня понедельник, — сказала Василиса. — Сейчас полдень.

Марина сидела на табуретке. С телефоном. Смотрела на цифры.

— Приворот я вам сделаю, — сказала Василиса. Мягко. — Но не на мужа. На вас обоих. Небольшой. Вечерний. С семи до десяти — телефоны в доме будут терять связь. Оба. Сами. Сеть пропадёт. Вай-фай пропадёт. — Пауза. — Три часа. Каждый вечер. Месяц.

— А потом?

— А потом посмотрим, — сказала Василиса. — Может, привыкнете.

Марина смотрела на неё. Потом — медленно — засмеялась. Нервно. Сквозь слёзы.

— Это не приворот, — сказала она.

— Это отворот, — сказала Василиса. — От телефона. — И добавила: — Плата — когда первый вечер получится. Не раньше.

Марина пришла через три недели. С пирогом. С мужем. Муж — тихий, растерянный, в очках — стоял в дверях и держал её за руку. Обоих телефонов при них не было.

— Мы в настольные игры играем, — сказала Марина. — По вечерам. С детьми. — Она помолчала. — Я забыла, какой он смешной. Он в «Монополию» жульничает.

Муж покраснел.

Василиса записала в Гроссбух.

И тогда пришла третья.

Молодая. Лет двадцати шести. С тёмными кругами под глазами. В куртке, надетой поверх пижамы. С трёхлетним мальчиком на руках — мальчик спал. Тяжело, беспокойно, вздрагивая.

Она не села. Стояла в дверях кухни.

— Мне сказали, вы помогаете, — сказала она. Быстро. — Я Оля. Ольга Бондаренко. У меня Миша. Три года. — Пауза. — Он не спит. Третью неделю. Ни днём, ни ночью. Говорит — под кроватью Бабай.

Василиса медленно закрыла Гроссбух.

— Вы ему говорили про Бабая?

Оля покраснела. До корней волос.

— Говорила, — сказала она. Тихо. — Нам велели. В саду. На собрании. — Она полезла в карман куртки. Достала что-то. Протянула.

Брошюра. Тонкая, глянцевая. С фотографией на обложке: улыбающаяся женщина лет сорока, гладко причёсанная, в строгом синем костюме.

«ПОСЛУШНЫЙ РЕБЁНОК. Методика воспитания без капризов. Е. В. Строгова, к. психол. н. Пилотная программа Министерства образования Самарской области».

— Сказали — работает, — сказала Оля. — И работало. Первую неделю. Он засыпал за пять минут. Я плакала от счастья. Я два года не высыпалась. — Голос сорвался. — А потом он перестал спать совсем. Кричит. Показывает под кровать. Я заглядываю — там ничего. А он кричит.

Модест на печке медленно сел.

Василиса посмотрела на спящего Мишу у Оли на руках. На его нитку. Маленькую, золотую, детскую.

Повернула ручку настройки.

Нитка была обвита серым. Тонким. Холодным. Липким. Как паутина. Как пыль. Оно тянулось от Миши — вниз. В пол. Сквозь пол. Куда-то глубоко. Куда Василиса не видела.

Она такого не видела никогда.

— Оставьте брошюру, — сказала Василиса. — И приходите завтра. Я посмотрю.

Когда Оля ушла, Василиса долго сидела на кухне. С брошюрой.

Модест слез с печки. Запрыгнул на стол. Понюхал брошюру.

— Пахнет, — сказал он.

— Чем?

— Деньгами, — сказал Модест. — И страхом. — Пауза. — Как «Портал изобилия». Помнишь?

Василиса помнила.

Глава 2. Методичка

«Послушный ребёнок» Василиса прочитала за вечер. Сорок восемь страниц. Дважды. Это было хорошо сделано. Профессионально. Она бы и сама так написала — восемь лет в банке, рекламные буклеты, она знала, как это работает. Боль — надежда — решение — призыв.

«Вы устали. Вы не высыпаетесь годами. Вы на грани».

«Это не ваша вина. Это — отсутствие системы».

«Ребёнку нужны границы. Ребёнку нужен внешний авторитет».

«Мягкость — путь к капризам. Утешение — поощрение истерики».

И на странице двенадцать — жирным:

«ПРАКТИКА "НОЧНОЙ СТРАЖ". При отказе ребёнка от сна, при капризах и непослушании используйте традиционный фольклорный образ ("Бабай", "Бука"). Не бойтесь, что ребёнок испугается: умеренный страх — естественный регулятор поведения. Наши предки использовали этот метод веками. Результат — дисциплина и здоровый сон уже через неделю!»

А на последней странице — реклама.

«Хотите закрепить результат? Онлайн-марафон "7 спокойных ночей" — 14 900 рублей. Индивидуальная консультация Е. В. Строговой — 9 000 рублей / час. Фирменный ночник "Страж" с функцией голосового сопровождения ("Бабай уже рядом!") — 3 990 рублей. Для участников пилотной программы — скидка 15%!»

Василиса закрыла брошюру.

— Ночник, — сказала она. — Который говорит «Бабай уже рядом».

— Сколько стоит? — спросил Модест с печки.

— Четыре тысячи.

— Агафья за такое бы, — сказал кот, — на икоту прокляла. Не меньше чем на неделю.

На следующее утро Василиса пошла в «Солнышко». Не забирать детей — к заведующей.

Нина Аркадьевна, полная, строгая, пятьдесят восемь лет, тридцать из них в дошкольном образовании, приняла её в кабинете. Налила чаю из электрического самовара с табличкой «Подарок от выпуска 1998 года».

— Строгова, — сказала Василиса. И положила брошюру на стол.

Нина Аркадьевна посмотрела на брошюру. Поджала губы.

— Спустили сверху, — сказала она. — В августе. Министерство. Пилотная программа. Во всех садах Сызрани, Октябрьска и Новокуйбышевска. — Пауза. — Я не хотела. Я тридцать лет детей не пугала. Мне сказали — обязательно. Мне сказали — у неё грант. Мне сказали — у неё связи.

— Какие связи?

Нина Аркадьевна помолчала.

— Её муж, — сказала она наконец, — бывший муж, точнее, — в министерстве образования. В Самаре. Замминистра. — Пауза. — Они развелись. Но программа осталась. — Она отпила чай. — Строгова за каждый сад получает. По договору. Как разработчик. И за каждую брошюру. И за каждый марафон. И за ночники — это её фирма делает, «Строгова-Центр». — Нина Аркадьевна покачала головой. — Сорок тысяч детей в трёх городах. Посчитайте.

Василиса посчитала. Получалось много.

— А дети не спят, — сказала она.

— Не спят, — согласилась Нина Аркадьевна. — С середины сентября. Во всех группах. Тихий час — ад. Кричат. Показывают под кровати. — Она поставила чашку. — Я на совещании в управлении образования говорила. Мне сказали — адаптационная фаза. Так в методичке написано. Мне сказали — у Строговой кандидатская. А у меня — тридцать лет опыта. — Пауза. — Кандидатская победила.

— Можно я посмотрю тихий час? — спросила Василиса.

Тихий час в младшей группе начинался в двенадцать тридцать.

Четырнадцать кроваток. Шторы задернуты. Светлана Игоревна у окна. Василиса — на маленьком стульчике у двери. Модест — у её ног.

Гаша и Алёша лежали у окна. Гаша уснула сразу — она вообще засыпала, где положили. Алёша не спал. Он лежал на боку и смотрел под соседнюю кровать. Спокойно. Внимательно. Как будто наблюдал за чем-то, что ему было интересно, но не страшно.

Через пять минут на дальнем ряду всхлипнули.

Миша Бондаренко. Сын Оли. Он лежал, натянув одеяло до носа, и смотрел вниз.

Через минуту — ещё двое. Через три — восемь из четырнадцати.

Василиса повернула ручку настройки.

И увидела.

Под каждой кроваткой, где плакал ребёнок, лежало серое. Ключковатое. Похожее на ком пыли, который скатывается под диваном. Только — живое. Оно шевелилось. Медленно. Дышало.

От каждого серого кома к ребёнку тянулась нитка. Серая. Холодная. Обвивала маленькую золотую детскую нитку — и та тускнела. Дрожала.

А от всех серых комов — вниз. Сквозь пол. Одна общая нить. Толстая. Как канат. Куда-то под город.

Модест у её ног вздыбился.

— Это не порча, — прошептал он. — Не сглаз. Я такого не видел. Двести двадцать лет — не видел.

Василиса смотрела на серое.

И вдруг заметила Алёшу.

Алёша не плакал. Алёша лежал и смотрел под соседнюю кровать — Мишину. И его губы двигались. Он что-то говорил. Тихо. Туда. Под кровать.

Василиса прислушалась.

— Не плачь, — шептал Алёша. — Не плачь. Ты грустный. Грустных не боятся.

Под Мишиной кроватью серое дрогнуло.

Василиса посмотрела на сына. Потом — на серое. Потом — снова на сына.

Алёше было два с половиной года. Он видел нечисть — с рождения. Он был крестник чёрта. Он видел то, чего не видела она.

И он говорил с этим серым — как с грустным.

Не как со страшным.

Вечером, дома, Василиса спросила.

— Алёша. Кого ты видел в саду? Под кроватью?

Алёша ел кашу. Липовой ложкой — подарок Фрола Евсеича. Подумал.

— Его, — сказал он.

— Кого — его?

Алёша подумал ещё. Слов в два с половиной года было мало.

— Серый, — сказал он. — Мохнатый. — Пауза. — Он не там. Там — его... — Алёша искал слово. Не нашёл. Показал руками — как будто отрывает что-то от себя. Клок. Пух. — Его. Он сам — далеко. Прячется. А там — его. Шерсть.

— Шерсть?

— Он линяет, — сказал Алёша. Уверенно. — От грусти.

Модест на печке медленно поднял голову.

— Линяет, — повторил кот. — От грусти. — Он посмотрел на Алёшу. Долго. — Ну, крестник. Ну, Ерёмин крестник.

Еремей Касьянович на лавке у печки — был четверг — отложил газету.

— Я знаю, кто это, — сказал он тихо.

Все повернулись к нему.

— Бабай, — сказал Еремей Касьянович. — Сызранский. Я его с тысяча восемьсот сорокового знаю. — Он помолчал. — Только он не Бабай. Раньше его звали иначе.

Глава 3. Кандидат наук

— Баюшка, — сказал Еремей Касьянович.

Был вечер. Дети спали. На кухне — Василиса, Егор, Модест на печке, Фрол Евсеич и Устя за печкой. Еремей — на своей лавке. С папиросой.

— От «баюкать», — продолжал он. — Ночной сторож. Под колыбелью сидел. Охранял, чтобы ребёнку страшное не снилось. Колыбельные ему пели. «Баю-бай, приди, Баюшка, сон ребёночку подай». — Он затынулся. — Он был — добрый. Маленький. Серый. Тихий.

— А потом? — спросила Василиса.

— А потом стали им пугать, — сказал Еремей. — Не знаю когда. Лет сто назад. Может, больше. Голод, война, матери одни, сил нет. «Будешь кричать — Бабай заберёт». — Он помолчал. — Нечисть, голубушка, наполовину из слов сделана. Как назовут — такой и станешь. Меня сто лет «чёртом» звали — я и был. Пока вы меня крёстным не назвали.

— А его сто лет звали страшным, — сказала Василиса.

— И он стал, — кивнул Еремей. — Не весь. Часть. — Он посмотрел на печку. На Модеста. — Алёша прав. Он линяет. Всё, что в него сто лет вкладывали — страх, «заберёт», — отходит от него. Как шерсть. Комками. И ложится — под кровати.

— А с августа, — медленно сказала Василиса, — весь город. Каждый вечер. По брошюре.

— С августа, — кивнул Еремей, — его раздувает. Каждое «Бабай заберёт» — ещё капля. Сорок тысяч детей — сорок тысяч капель в вечер. — Он покачал головой. — Он не выдержит. Он уже не выдерживает. Шерсть — уже не шерсть. Это уже — что-то отдельное. Огромное. Я чувствую. Оно под городом.

Егор, сидевший за столом с кружкой «Лучший участковый Сызранского района», долго молчал.

— То есть, — сказал он наконец, — какая-то тётка из Самары написала брошюру. Её муж в министерстве её протолкнул. Она на этом зарабатывает. Ночники продаёт по четыре тысячи. — Пауза. — А из-за этого у нас под каждой детской кроватью — чудовище.

— Если коротко — да, — сказала Василиса.

Егор поставил кружку.

— И что с ней можно сделать? По закону?

— Ничего, — сказала Василиса. — Она ничего не нарушает. Методика одобрена министерством. Брошюры — легальные. Ночники — сертифицированные. — Пауза. — Она просто советует родителям пугать детей. Это не запрещено.

Егор помолчал.

— А по-нашему? — спросил он.

Василиса посмотрела на него.

— По-нашему, — сказала она, — надо, чтобы родители перестали. Все. Сорок тысяч. И сказали детям что-то другое.

— Что?

— Не знаю, — сказала Василиса честно. — Пока не знаю.

Модест на печке зевнул.

— Начни с того, — сказал он, — что посмотри на эту тётку. Вблизи. Ты её только на брошюре видела. — Пауза. — Агафья всегда говорила: прежде чем воевать — посмотри противнику в нитки.

Строгова проводила семинар в субботу, в десять утра, в актовом зале Дворца культуры на Ульяновской.

Вход — свободный. Для родителей детей из садов, участвующих в пилотной программе. На афише у входа — та же улыбающаяся женщина в синем костюме. «ЕЛЕНА СТРОГОВА.

"ПОСЛУШНЫЙ РЕБЁНОК": ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ. Специальное предложение для участников семинара!»

Василиса пришла одна. Без Модеста — в ДК с котом не пускали.

Зал был полон. Двести мест — и все заняты. В проходах стояли. Мамы, папы, бабушки. С тёмными кругами под глазами. Некоторые — с детьми. Дети сидели на коленях, сонные, вялые, бледные.

На сцену вышла Строгова.

Высокая. Стройная. Сорок один год. Тёмно-синий брючный костюм. Белая блузка. Тёмные волосы, собранные в тугий гладкий пучок. Очки в тонкой оправе. Лицо — спокойное, уверенное, ровное. Голос — чёткий, без единой лишней интонации. Как у хорошего диктора.

— Добрый день, — сказала она. — Я знаю, зачем вы пришли. Ваши дети стали плохо спать. Хуже, чем до программы. Вы напуганы. Вы думаете — может, методика не работает. Может, я вам навредила. — Пауза. — Я вам скажу: это нормально. Это — фаза.

Зал затих.

Она говорила сорок минут. И Василиса — сама бывший копирайтер — оценила. Это была работа высшего класса. Строгова знала каждое больное место. Каждый страх. «Вам кажется, что вы плохая мать». «Вам кажется, что вы сделали хуже». «Вас осуждают — свекровь, соседи, интернет». И на каждый страх — ответ. Спокойный. Научный. С графиками на экране за спиной. С цитатами из исследований. С фотографиями счастливых детей из других регионов, где программа «уже дала результат».

«Адаптационная фаза — от трёх до шести недель».

«Главное — не сдаваться. Не брать ребёнка в свою кровать. Не утешать».

«Если вы сейчас уступите — ребёнок поймёт, что страх — это рычаг».

«Для тех, кому особенно тяжело, — у нас есть марафон "7 спокойных ночей". Сегодня — со скидкой двадцать процентов».

Зал кивал. Записывал. Кто-то уже доставал телефон — оплачивать марафон.

Василиса сидела в последнем ряду. Повернула ручку настройки. Посмотрела на Строгову.

Нитка Строговой была — серебристая. Натянута. Ровная, как струна. Идеальная. Ни одного узелка. Ни одной петли.

Почти.

Там, где у всех людей нитка тоньше всего — в самом начале, в детстве, — был узел. Маленький. Серый. Тугой. Затянутый так сильно, что врос.

И от этого узла — Василиса присмотрелась — тянулась ещё одна нить. Тонкая. Серая. Вниз. В пол. Сквозь пол.

Туда же, куда тянулись серые нити из-под детских кроваток в «Солнышке».

После выступления Строгова открыла микрофон для вопросов.

Вопросы были осторожные. «А сколько ещё ждать?» «А если он кричит до рвоты?» «А можно ночник в рассрочку?»

Строгова отвечала. Чётко. Уверенно. Каждой.

Василиса подняла руку.

Строгова посмотрела на неё. Кивнула. Ассистентка — молодая девушка в синем — поднесла микрофон.

— Добрый день, — сказала Василиса. — Меня зовут Василиса Шмелёва-Круглова. У меня двое детей. Два с половиной года. В «Солнышке».

— Слушаю вас, — сказала Строгова.

— У меня дети спят, — сказала Василиса. — Прекрасно. Им поют колыбельные. Им никто не говорит про Бабая.

По залу прошёл шёпот.

— Это прекрасно, — сказала Строгова. Ровно. — Значит, у ваших детей устойчивая нервная система. Наша программа рассчитана на детей с трудностями засыпания.

— У половины детей в нашей группе до сентября не было трудностей засыпания, — сказала Василиса. — Они появились после программы. После того, как родителям сказали пугать.

Шёпот в зале стал громче.

Строгова улыбнулась. Мягко. Профессионально.

— Адаптационная фаза, — сказала она. — Я только что объясняла. Сорок минут. — Пауза. — Вы, наверное, пропустили.

Кто-то в зале засмеялся.

— Я не пропустила, — сказала Василиса. — Я спрашиваю — откуда вы знаете, что это фаза? Где исследования? Сколько детей вы наблюдали после того, как их начали пугать? Год? Пять лет? Двадцать?

Строгова посмотрела на неё. Долго. Поверх очков.

— Василиса Андреевна, — сказала она. — Вы по образованию кто?

— Филолог, — сказала Василиса. — Работала копирайтером.

— Копирайтером, — повторила Строгова. С лёгкой, едва заметной улыбкой. — А я — кандидат психологических наук. Двадцать лет практики. Сорок публикаций. — Пауза. — Мне кажется, вопрос о том, что работает в детской психологии, мы с вами оцениваем на разном уровне компетенции.

В зале засмеялись. Громче.

— А ещё, — сказала Строгова, всё так же мягко, — я слышала про вас. Вы ведь та самая Василиса с Верхне-Кирпичной? Которая — как это у вас называют — «снимает сглаз»? — Она сделала паузу. — Мамочки в чате рассказывали. Что у вас дети... — она запнулась, как будто подбирая деликатное слово, — ...летают?

Зал грохнул.

Смеялись все. Двести человек. Мамы. Папы. Бабушки. Кто-то показывал на Василису пальцем. Кто-то снимал на телефон.

Василиса стояла с микрофоном в руке. В последнем ряду.

Щёки горели.

Строгова на сцене улыбалась. Спокойно. Доброжелательно. Как улыбаются взрослые ребёнку, который сказал глупость.

— Спасибо за вопрос, — сказала она. — Следующий.

Ассистентка забрала у Василисы микрофон.

Василиса вышла из зала. Под смех.

На улице было солнечно. Каштаны на Ульяновской роняли колючие шарики на асфальт. Василиса шла по улице и не видела ничего.

Восемь лет в банке. Совещания, презентации, переговоры. Её никогда так не размазывали. Никогда. Публично. За две минуты. Одной фразой.

«На разном уровне компетенции».

«Дети... летают?»

Она дошла до набережной. Села на лавку. Смотрела на Волгу.

Телефон завибрировал. Чат «Мамочки Сызрани». Шесть тысяч участниц. Кто-то уже выложил видео. С семинара. «Ведьма из Сызрани против психолога. Психолог 1:0». Двести сорок лайков. Комментарии: «Ахаххх летают». «Ну а что она хотела, против науки». «Строгова красавица». «Позорище».

И один — от Даши. «Девочки, вы чего? Она мне в прошлом году жизнь спасла».

Под ним — сорок минусов.

Василиса выключила телефон.

Долго сидела на лавке.

Рядом кто-то сел. Тяжело. Знакомо.

— Видел, — сказал Модест. Он пришёл сам. Пешком. Через весь город. Шерсть в пыли.
— В окно. С подоконника ДК. Там подоконник широкий.

— Она меня уничтожила, — сказала Василиса.

— Уничтожила, — согласился Модест. — Красиво. — Он помолчал. — Агафью однажды тоже так. В семьдесят шестом. Ревизор. На собрании. При всём Куйбышевском обкоме. Сказал — «товарищи, перед вами пережиток прошлого». Все смеялись.

— И что бабушка?

— А бабушка, — сказал Модест, — пришла домой, поела щей, легла спать. А утром встала и выиграла. — Он посмотрел на неё жёлтыми глазами. — Ты в её нитку смотрела?

Василиса кивнула.

— Видела узел? В начале?

— Видела.

— Вот, — сказал Модест. — Вот там и выиграешь. Не на сцене. Не в чате. Там. — Он помолчал. — Она тебя на твоём поле обыграла — на словах. Значит, иди на её поле. В её детство.

Василиса смотрела на Волгу.

— И ещё, — сказал Модест. — Тебе на тихом часе Алёша кого показал? Под кроватью?

— Шерсть. Баюшкину.

— Вот, — сказал кот. — А сам Баюшка — где?

Василиса медленно повернулась к нему.

— Прячется, — сказала она.

— Прячется, — согласился Модест. — И, по-моему, я знаю где. — Он встал. Отряхнулся.
— Пошли домой. Щей поешь. Потом поговорим.

Глава 4. Баюшка

— Под Алёшиной кроваткой, — сказал Модест.

Был вечер. Дети спали. Василиса стояла в дверях детской. Модест — у её ног.

— Я его третий день чую, — сказал кот. — Пылью пахнет. И молоком. Тёплым. Агафья мне такое давала, когда я болел. — Пауза. — Фрол каждый вечер под Алёшину кроватку блюдце ставит. Я думал — от мышей. А утром блюдце — пустое.

— Фрол Евсеич знает?

— Фрол всё знает, — сказал Модест. — Фрол молчит. Это у домовых — профессиональное.

Василиса вошла в детскую. Тихо. Не включая света.

Гаша спала, раскинувшись поперёк кровати, с вышитым пледом на полу. Алёша спал на боку. С бакенным фонариком на тумбочке — фонарик горел тихо, тепло. Рука свешена через бортик. Вниз. Под кроватку.

И кто-то держал его за руку.

Длинными серыми пальцами.

Василиса опустила на колени. На ковёр с медведями. Заглянула под кроватку.

Под кроваткой сидело — что-то. Маленькое. Ростом Алёше по пояс. Серое. Лохматое — свалявшейся, вытертой до проплешин шерстью, как старый плюшевый медведь, которого сто лет таскали за лапу. С огромными круглыми тёмными глазами. С мокрыми дорожками под ними.

Оно держало Алёшу за руку. И тихо, хрипло, сломанно пело. Себе под нос.

— Баю-бай... баю-бай...

Увидело Василису.

Замолчало. Сжалось. Отпустило Алёшину руку. Хотело — Василиса видела — уползти. Дальше. Под стену. В темноту.

— Не уходите, — сказала Василиса. Тихо. — Пожалуйста. Я не обижу.

Существо замерло.

— Ведьма, — прошептало оно. — Агафьяна.

— Агафьяна, — согласилась Василиса. — А вы — Баюшка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.